

Сложная фамилия

Сложная фамилия

Иду по театру. Слышу, как охранники пытаются произнести мою фамилию. Первый попробовал: провал. Второй: провал. Снова пробует первый... Иии... и?.. вновь неудача!..

Передо мной пронеслась вся жизнь и все варианты: от Печенькина до Пегейкина, от Пчелкина до Печонкина.

Я никогда не жалел о фамилии. Я жалел только об имени. Бабушка хотела назвать меня Феликсом — в честь Дзержинского.

Феликс Печейкин — это драматург, которого заслужила Россия.

Ваш Железный Драматург.

Мужская линейка

В школе, начиная класса с седьмого, мальчика готовят к тому, что он пойдет в военкомат. Его первые учителя — старшеклассники. Они сразу сообщают главную новость — в военкомате есть врач-хи-

Валерий Печейкин

рург. И он будет проверять главное качество бойца – эрекцию. Никто не рассказывает про лора или кардиолога. Всех интересует хирург и как он будет проводить свою проверку.

Мне об этом рассказал старшеклассник Рамиль. Итак, хирург просит тебя [эрегировать] [половой член]. Затем он открывает ящик стола и вынимает деревянную линейку. Сначала он, конечно, измеряет длину. Если меньше 20 сантиметров, то он ставит на твоей анкете пометку «МП» (маленький пенис). Ставит ее прямо на обложке. Но линейку на этом не убирает. Зажимает ее в кулаке... замахивается и со свистом, со вжухом бьет тебя по [эрегированному члену].

Если линейка сломалась – ты годен. Если нет – нет.

К-л-я-н-у-с-ь – я в это верил.

Без шуток. Я представлял себе ящик, наполненный линейками. В книжном магазине я смотрел на деревянные 20-, 30-, 40-сантиметровые линейки и дрожал. Отдел канцтоваров казался мне секс-шопом. Сантиметрами тестостерона.

Видимо, Рамиль понял, что его рассказ попал в мое сердце и в сердца других мальчишек. Однажды он передал нам «по секрету», что из-за кризиса на лесопилках деревянные линейки кончились и теперь бьют железной. Бьют – выпрямляют, бьют – разгибают. «А как же определяют годность?» – «Никак. Берут всех. Просто бьют».

Злой мальчик

С тех пор каждый раз, когда я завожу разговор на тему мужских страданий, у меня чувство, что мне дали железной линейкой по [хую]. И сказали: «Не годен». И пенис, да, маленький.

В десятом классе нас повели наконец в военкомат. Вел наш преподаватель Виктор Владимирович, обучавший нас допризывной подготовке юношей. Свое первое занятие он начал с вопроса: «Дрочить начали?»

Он и сопровождал нас в военкомат. Не отходил ни на шаг на медкомиссии. Он был нам как настоящий батя.

Через год после школы я увидел его на сайте гей-знакомств. Он написал мне: «Привет!)).»

Я до сих пор ему не ответил. Сегодня нашел его профиль на «Одноклассниках». Ему уже под шестьдесят. Мне он пока ничего не написал. Я ему тоже. Живет он все там же, на аватарке переливается надпись «С Радоницей!».

Он по-прежнему лысый, толстый, только чуть грустный.

Как будто сломалась железная линейка.

Если был бы я девчонкой

Помню, в ташкентской школе перед 9 Мая у нас тоже был всякий велико-отечественный акционизм. Потом, правда, Каримов в приступе русофобии все

Валерий Печейкин

пустил в шрёдер, но поначалу обязательно были военные перформансы. Так, тетка из культмассового сектора указала на меня и сказала: будешь читать стих про героя Александра Матвеевича Матросова и долговременную огнеупорную точку. Хотели натянуть на меня солдатскую форму, но я не дал. Спорить не стали, потому что в третьем классе не удалось одеть меня в костюм ежика. Короче говоря, послушали, как я читаю про дот-пулемет, и... ну как-то не восхитились. Ну и ладно, говорю, это не моя сильная сторона. А какая же сильная? И тогда я надел платочек и прочел стихотворение Успенского «Если был бы я девчонкой»... Спасибо, говорят, Валерочка. Мощно, глубоко, космически. Но ветераны ожидают чего-то батального. Лучше приберечь это на 8 Марта. А на 8 Марта мы показали училкам мою инсценировку по роману Агаты Кристи «Сверкающий цианид». К чему я это? К тому, что фашизм — он как цианистый калий: сначала пахнет горьким миндалем, а потом кирдык и кукрыниксы.

«Сверкающий цианид»

У нас в подъезде на подоконнике устроили бук-кроссинг. Проходя мимо, я обнаружил, что сверху лежит роман Агаты Кристи «Сверкающий цианид».

Злой мальчик

Я вздрогнул... Дело в том... в том... Вы не все про меня знаете, френды...

Первым классиком, над которым я надругался как драматург, был не Шекспир, не Овидий, а она — Королева детектива (или Герцогиня смерти, как ей самой больше нравилось).

Это случилось между мной и Агатой много лет назад при сюрреалистических обстоятельствах: в Ташкенте, в школе, на 8 Марта. Да, да, да! В Ташкенте, в школе, на 8 Марта мы решили порадовать учителей самодеятельностью. И Валерочка Печейкин, уже тогда безумный, предложил взять книжечку, которую недавно прочел: роман об отравлении цианидом. Валерочка закрутил одноклассников, выпросил ключ от класса для репетиций, выписал текст на бумажки. Валерочка взял из романа сцену отравления, выбросил из нее Эркюля Пуаро и добавил Шерлока Холмса с Ватсоном. Валерочка отрепетировал кое-как историю с пубертатными одноклассниками, тоже кое-какими.

Наступило 8 Марта. Пришли все училки: математичка-корейка, физичка-корейка, химичка-корейка, русичка-русичка, географичка-пенсиионерка. Начали. Валерочка с красной мордашкой играл Холмса, тараша глаза и размахивая руками. Когда отравление совершилось, вскочил и стал вести расследование, спотыкаясь о Ватсона, бегал меж-

Валерий Печейкин

ду партами, изображающими ресторанные столики, нюхал шипучку «Юппи», разлитую в бокалы под видом элитного алкоголя.

– Ага! Дедукция! Элементарно! Ага! – кричал режиссер, актер и автор инсценировки.

Что сказать, Валерочка был в таком ударе, что забыл подать реплику отличнице Инне, которая, не получив сигнал, пропустила монолог. Валерочку-Холмса это не смутило, он, как телеведущий Киселев, основываясь ни на чем, завершил расследование, выдумав улику на месте. Отличница Инна красиво оделась, красиво накрасилась, мама разрешила ей натянуть декольте на уже взрослые бутоны. Но, лишенная реплики, отличница Инна тихо скуксилась на голубеньком стуле. В финале вышла кланяться с мокрыми глазами и увядшими бутонами; кланялся и мальчик-каланча, который играл отравленного, и мальчик-казах, который играл отравителя и которого звали Педро. Особенно торжественно кланялся Валерочка Печейкин.

С тех пор Валерочка стал Валерой, потом Валерием, когда-нибудь окаменеет в виде Валерия Валерьевича. Но сколько бы лет ни прошло, он будет помнить книжку «Sparkling Cyanide».

Первый цианид, как первая любовь – раз и навсегда.

Злой мальчик

Школьный психолог

Помню, как в школу однажды пришла тетенька-психолог. Она дала нашему девятому классу задание: нарисовать на бумажке свое внутреннее состояние: как на уроках ИЗО, но только что хочешь. Это было что-то невероятное, ведь обычно тебе ставят голову Аполлона или вазочку, и ты должен ее рисовать, а тут — *что хочешь*. И тогда я понял, что это мой шанс — рассказать о себе и послать так сигнал во вселенную. Я решил, что рисунок может быть моим посланием во внешний мир, который наконец меня расслышит. К тому моменту я уже понял, что мне некомфортно в моей среде: в семье, в школе, в городе — будто неизвестные менты подбросили все это в мою маленькую жизнь. И я решил нарисовать то, что чувствую. Представьте, что вы сидели в полной изоляции не неделю, а много лет. И вдруг у вас появился шанс поговорить с другими людьми. Я взял альбомный плотный лист, карандаши и нарисовал.

Огромный серый дракон изрыгал красное пламя на черный город, под ним горели дома, человечки, которые выпрыгивали из окон, кошка горела на крыше, какой-то чувак убивал другого у подъезда, но композиция была сложной, отчего они превратились в один горящий клубок, кто-то повесился на дереве, горели машины и лужи с бензином, в углу

Валерий Печейкин

картинки танцевал скелет, из него выходил спичбабл со словом «смерть». Все.

Карандаши я стер до пальцев: так много было серого, красного, черного. Стиль Жана-Мишеля Баския.

Тем временем одноклассники нарисовали машину «мерседес», одноклассницы – лужайку и Барби. Мы сдали наши рисунки психологине, и она ускакала.

Через неделю вернула с пометками. Я схватил свой рисунок, чтобы увидеть ее комментарий. Ждал я приблизительно такого: этот малыш, Валерий, нуждается в заботе, внимании и в том, чтобы вы заметили его творческий дар! Каждый рисунок психологиня прокомментировала на половинке тетрадного листа, прицепив ее скрепкой. Я снял ее так быстро, что едва не разорвал своего дракона... И вот я читаю... На листке было написано: «Печейкин Валера, имеет фантазию». Я перевернул листок: сзади ничего. Еще раз перевернул и прочел, что я, Печейкин Валера, имею фантазию. Это все? Да, это было все. Я посмотрел на своего дракона. Он глядел на меня красными глазами. Он тоже охуел.

После этого был урок психологии, на котором нам сказали, что мы все молодцы, нарисовали хорошие каляки, и мы в полном порядке. Потом обсудили отдельно рисунок отличницы Инны Г. (ей,

Злой мальчик

конечно, подрисовала мама), изобразившей не просто лужайку и Барби, но и стрекозу, а также сачок. Психолог сказала, что это признак глубокого мироощущения, которое бывает у отличниц. Дракон смотрел на меня и спрашивал, почему он не стрекоза (хотя и dragonfly).

С тех пор я довольно быстро расстался с двумя надеждами. Первая, что искусство поможет другим тебя расслышать. Вторая, что дракон сильнее стрекозы.

И да, с тех пор я не верю психологам.

Бабушкина коробка

Однажды я нашел у бабушки большую коробку с канцелярскими товарами. Мне стало интересно, откуда в ней столько ручек, карандашей, ластиков, стержней, чернил... И когда я узнал ответ, то вместе с ним узнал, что такое кража. Это было первое знакомство с миром взрослых. Я выяснил, что бабушка украла все эти ручки и карандаши. Просто унесла их с работы. И ничуть этого не скрывала. На мой наивный вопрос, как так можно, она ответила: «Все равно государство украло у меня больше!» Оно сегодня напоминает человека, который взял в долг и не берет трубку. Но публикует сториз...

Я вспоминаю сейчас свою бабушку. Ее давно уже нет, а государство есть. Ты берешь у него карандаш,

Валерий Печейкин

а оно у тебя — зарплату. Ты тащишь из-под его жопы ластик, а оно — еду из холодильника, и держится лапкой за несчастный ластик, который рвется в борьбе. Половинка на половинку. Но хоть огрызок заберешь домой! «На работе ты не гость, унеси хотя бы гвоздь» — главная мудрость предков, переданная нам с верой в бога.

Идея рая всегда смущала меня тем, что кто-то должен его приготовить. Вы хоть раз такое видели? Как в турецкой гостинице невидимки застилают вам постель и делают лебеда из полотенец. Вы вернулись с пляжа — а в номере красота! Сегодня мы как будто умерли, попали на небо, а там тоже бело-зеленая сетка ремонта, бело-красная ленточка «сюда не ходи». Россияне работали, молились, «сжигали геев», бились яйцами на Пасху, носили ленточки, жарили шашлыки и верили, что в день икс им выдадут ключи от рая. Но снова оказались с ключами от котлована. На облаке...

Там же, в бабушкиной бирюзовой коробочке, было насекомое в янтаре. Кажется, стрекоза в гладкой апельсиновой капле. Ее можно было вертеть в руках и рассматривать. Очень похоже на жизнь в самоизоляции. Как будто вертишь ее в руках, разглядываешь, потом кладешь обратно. Час пройдет — снова возьмешь, повертишь, положишь. И снова. Так и день пройдет.

Злой мальчик

Ташкентский театр оперы и балета

Я хочу сказать рахмат одному ташкентскому театру, который определил мой путь и выбор, — Государственному академическому театру оперы и балета имени Алишера Навои, построенному после войны по проекту Щусева, чей самый известный креатив — мавзолей Ленина. В качестве иллюстрации — обложка программки к опере «Чио-чио-сан». Не изошутка, а реальная такая картинка. Эту оперу я помню хуже всего. Может быть, потому, что на ней не произошло ничего, кроме музыки. Помню, оперу «Волшебная флейта» и народного артиста Узбекистана, бегущего в розовых панталонах от выцветшей кишки дракона, из щербатой пасти которого валил театральный дым. Помню, как через несколько минут вдруг выключили свет, и умники подумали, что это — художественное решение, что так является сама Царица Ночи. Но через пару минут на авансцене появился человек со свечой и, надрываясь, прокричал, что света нет во всей центральной части города. Шубы и куртки в гардеробе разбирались под фонарик какого-то иностранца. Откуда он взялся, откуда взялся с фонариком — загадка. Помню, что спектакль «Спящая красавица» вообще не начался. Тоже появился на авансцене человек и сказал, что не могут открыть занавес, а если откроют, он,